

Особенности интрагруппового структурирования в сообществах несовершеннолетних правонарушителей в условиях принудительной изоляции

М. Ю. Кондратьев

**доктор психологических наук, профессор, член-корреспондент РАО,
декан факультета социальной психологии Московского городского
психолого-педагогического университета**

В статье представлены материалы, иллюстрирующие специфику интрагрупповой структуры сообществ несовершеннолетних правонарушителей, находящихся в условиях закрытых режимных спецучреждений. Показано, что подобные жестко иерархизированные сообщества характеризуются диспозиционно-ранговой структурой неформальной власти, позиция каждого члена группы в которой практически детерминирует его положение в двух других универсально-значимых интрагрупповых структурах — структуре референтных отношений и структуре аттракционных отношений.

Ключевые слова: группа несовершеннолетних правонарушителей, принудительная изоляция, диспозиционно-ранговая групповая структура, структура неформальной власти, структура референтных отношений, структура аттракционных отношений.

Многие отечественные психологи (З. А. Астемиров, И. П. Башкатов, Г. Г. Бочкарева, В. Г. Деев, А. И. Долгова, М. Ю. Кондратьев, Г. М. Миньковский, В. Ф. Пирожков, А. П. Притыко, А. И. Ушатиков, Д. И. Фельдштейн и др.) указывают на наличие целого ряда особенностей протекания важнейших внутригрупповых процессов в сообществах несовершеннолетних правонарушителей в условиях изоляции и существования характеризующих эти группы некоторых социально-психологических феноменов, которые либо вообще отсутствуют, либо оказываются крайне слабо выраженными в группах высокого уровня социально-психологического развития. Острота ситуации в режимных спецучреждениях закрытого типа объясняется в первую оче-

редь тем, что совместное содержание крупного контингента осужденных предполагает безоговорочную альтернативу — или высокоразвитая просоциальная общность, или преступная группировка, где даже случайно «оступившийся человек становится по психологии законченным преступником» [3, с. 114]. В связи с этим трудно не согласиться с выводом З. А. Астемирова о том, что вряд ли было бы целесообразным совместное содержание большого числа осужденных без возможности «создания в исправительно-трудовых учреждениях (а тем более в спецучреждениях для несовершеннолетних. — М. К.) подлинных коллективов» [1, с. 10]. В то же время, к сожалению, приходится констатировать, что, как правило, в условиях спецучреждений складываются

группы с отрицательной направленностью, являющиеся, по существу, примером антисоциальной корпорации*.

Особенности интрагрупповой структуры неформальной власти

Результаты специальных исследований, совпадающих с мнением многих практических работников спецучреждений для несовершеннолетних правонарушителей, однозначно демонстрируют, что характерной особенностью подобных сообществ является наличие многоуровневой жестко фиксированной внутригрупповой статусной иерархии, которая, определяя неформальное положение, права и обязанности воспитанников, носит практически кастовый характер: неофициальные лидеры, приближенные к ним, «промежуточный» слой, отверженные. Реальность такой стратификации подтверждается тем, что она отражена и в жаргоне несовершеннолетних правонарушителей [6; 7; 8; 11 и др.].

Любой член группы отчетливо осознает в каждый данный момент свою отнесенность к одному из этих слоев. Несмотря на то что связи между представителями различных уровней внутригрупповой иерархии официально не ограничены, они носят по преимуществу

вынужденный характер, что, в конечном счете, ведет к дальнейшему обособлению одной категории воспитанников от другой в отряде и отделении. Более того, такое «общение» имеет целью, может быть, не всегда и не всеми до конца осознаваемой, именно такое обособление. Три верхних слоя, будучи совершенно различными по положению и характеру внутригрупповых связей, все вместе в качестве «приличного общества» противостоят отверженным. Естественная для групп, в которых господствует отчетливо выраженное неравенство в системе межличностных отношений, иерархия статусов имеет место и внутри каждого из указанных уровней статусной структуры группы. Но различия в реальном положении представителей этих «прослоек» несравнимо более значимы, чем отличия членов каждой из них. Повышение статуса того или иного воспитанника, уже «осевшего» на каком-либо уровне иерархии межличностных отношений, затруднено сопротивлением каждого слоя, который он «перерастает» или пытается «перерасти». «Промежуточный» слой, являющийся как бы естественной демаркационной линией между отверженными и остальной частью отряда, в этом смысле — самая консервативная сила. При этом если переход из второй стра-

---

* Содержание несовершеннолетних осужденных в условиях современных колоний при практически полном отсутствии сколько-нибудь научно разработанных и апробированных на практике эффективных методов перевоспитания, с психолого-педагогической точки зрения, попросту неоправдано. Как показывает практика работы этих закрытых учреждений, основные усилия воспитателей в них в лучшем случае направлены на борьбу с пенитенциарной рецидивностью и на разобшение неформальных группировок с отрицательной направленностью, возникновение которых обусловлено совместным содержанием большого числа осужденных и неэффективностью «фронтальной» работы с ними. Таким образом, формирование устойчивых просоциально направленных сообществ несовершеннолетних в условиях следственных изоляторов и колоний, что, в конечном счете, и является, по сути, единственным оправданием совместного их содержания, лишь декларируется, но в действительности реализуется крайне редко.

ты в первую достаточно сложен, а из третьей во вторую крайне затруднен, то перемещение представителя низшей, четвертой страты «наверх» в принципе невозможно не только в данном спецучреждении, но и в любой другой колонии, если по тем или иным причинам такой воспитанник окажется туда переведен. Ухудшение же положения конкретного подростка в системе межличностных отношений такого сообщества может осуществляться в несравнимо более быстром и облегченном варианте.

Существование четко очерченных статусных слоев, а по сути, обособленных подгрупп в рамках неформальных сообществ несовершеннолетних в условиях принудительной изоляции отмечает целый ряд авторов, посвятивших свои исследования изучению реального положения дел в колониях для несовершеннолетних и проанализировавших тот статусный «расклад» в подобных группировках, который «есть на самом деле», не ограничившись описанием официальной таблицы о рангах, формальной внешней картины иллюзорного благополучия, за которой, как правило, скрывается ярко выраженное статусное неравенство, отражающее действительные взаимоотношения воспитанников спецучреждений для малолетних преступников. Обычно при этом выделяют четыре основных статусных слоя (соответствующих уже обозначенной выше статусной дифференциации): неофициальные лидеры — «борзые», приближенные к ним — «приборзевшие», промежуточный слой — «чушки», парии, отвергнутые — «опущенные»; или особо устойчиво-привилегированные; устойчиво-привилегированные; неустойчиво-привилегированные; устойчиво-непривилегированные [14, с. 131].

Практически аналогичное с только что описанным интрагрупповое строение свойственно сообществам несовершеннолетних правонарушителей, принудительно помещенных и в другие виды закрытых заведений — специальные профессионально-технические училища и спецшколы. По существу, речь здесь может идти об идентичности интрагруппового структурирования в колониях и в этих закрытых спецучреждениях, что объясняется и практическим совпадением правовой регламентации режимов, и принципиальным сходством контингентов воспитанников.

Наиболее глубоко и развернуто из отечественных психологов осветил этот вопрос в своих работах по спецПТУ В. Ф. Пирожков, выделивший такие основные, по его мнению, принципы стратификации, как однозначное деление людей на «своих» и «чужих» при жестко иерархизированной статусной структуре «своей» группы; социальное клеймение, т. е. подкрепление высокого статуса и принадлежности к низшей страте путем присвоения определенных кличек, татуировок, насечек и т. д.; обособленность существования каждой страты, ограничение «межкастовых» контактов, затрудненность продвижения «вверх» по лестнице статусов и легкость потери высокой статусной позиции [12 и др.].

При этом В. Ф. Пирожков придерживается мнения о наличии в закрытых криминальных группах не четырех-, а пятиуровневой статусной классификации. В особую касту он выделяет самых высокостатусных воспитанников, т. е. тех из неофициальных лидеров («борзых»), кто является как бы «особенно высокопоставленными», занимает по-настоящему элитарное положение (в исследованных

В. Ф. Пирожковым спецПТУ и колониях — «барин», «шишка», «рог», «босс», «пахан»), которое соответствует позиции «авторитетов» во взрослом преступном мире. При этом и в ряде других исследований [6; 7; 8 и др.] также были выявлены представители этой категории воспитанников («рог зоны», «роги отрядов», «вор зоны» и т. д.). И все же выделение их в отдельную самостоятельную касту в условиях спецучреждений для несовершеннолетних правонарушителей, по-видимому, неправомерно. Подобный вывод подсказывают несколько обстоятельств. Во-первых, воспитанников, которых можно было бы однозначно причислить к такой «элите», на всю колонию, как, правило, не более пяти-шести человек. Во-вторых, такой, если так можно выразиться, «сверхстатус» завоевывается его носителем в конкретном спецучреждении и в подавляющем большинстве случаев сохраняется лишь в рамках данных обстоятельств, в то время как статус «авторитета» взрослого преступного мира неизменно высок и в любом исправительно-трудовом учреждении (как, впрочем, и в криминальном сообществе «на воле»), так как базируется как бы на «звании», например, на звании «вора в законе». Но главное, что не позволяет при собственно психологической характеристике межличностных отношений в воспитательной колонии, спецПТУ и спецшколе рассматривать как отдельную статусную страту несколько наиболее высокостатусных воспитанников, это то, что их позиция качественно менее отлична от позиции остальных «борзых», чем положение последних от возможностей, прав и обязанностей следующего статусного слоя — «приборзевших». При этом сами несовершеннолетние правонарушители, достаточно четко

осознавая статусные границы таких иерархических страт, как «борзые», «приборзевшие», «чушки» и «опущенные», однозначно воспринимают «борзых» как единый статусный слой, хотя вполне способны вычленить неофициальных лидеров и в их среде, как, впрочем, и в рамках любой другой касты, что ни в коей мере не нарушает видения ими ее целостности как самостоятельного статусного уровня.

Реальность именно этой четырехуровневой стратификационной по своему характеру структуры в жизни неформальных сообществ несовершеннолетних правонарушителей в условиях изоляции, ее определяющее влияние на направленность и насыщенность межличностных отношений в таких группах подростков подтверждает и эмпирический материал, собранный с помощью техники «репертурных решеток» [13 и др.]. В группах, отличающихся жестко фиксированной внутригрупповой статусной иерархией, именно статусные характеристики воспитанников (а точнее, факт их принадлежности к той или иной страте) выступают практически единственным основанием для определения «сходства-различия» партнеров по взаимодействию и общению. При этом подобная однонаправленность оценки характерна именно для этих групп, так как статусная характеристика «другого» в группах, где отсутствует жесткая стратификация, хоть и учитывается, но далеко не всегда оказывается определяющим основанием при его оценке. К этому выводу приводит сравнительный анализ решений триад типа ААВ (два члена триады обладают качественно одинаковым статусом, третий — принципиально отличается от них по своим статусным характеристикам) воспитанниками колонии и других режимных спецучреж-

дений для несовершеннолетних правонарушителей, с одной стороны, а с другой — учащимися старших классов массовых средних школ, где сколько-нибудь выраженное стратификационное интрагрупповое структурирование отсутствует, хотя, как и в любой реально функционирующей группе, взаимоотношения, конечно же, не могут расцениваться как паритетные, одноуровневые, выстроенные исключительно «по горизонтали». В рамках техники «репертуарных решеток» по инструкции испытуемый должен разделить триаду следующим образом — указать одного из составляющих ее членов, который бы отличался от двух других, имеющих какое-либо сходство. Отметим, что сам принцип составления триад вида ААВ уже заранее как бы разделяет триаду в требуемом для ее решения соотношении 2:1 (АА:В). Таким образом, в определенном смысле с самого начала (пусть скрыто, косвенно) предлагается вариант решения задачи «сходство-различие» с точки зрения реальной статусной дифференциации. Испытуемый может либо принять «подсказку» и решить триаду этим способом, либо выбрать иное, свое направление анализа, выдвинув самостоятельный признак-основание дифференциации.

Наработанная эмпирика раскрывает качественные различия в подходах к решению ААВ-триад у несовершеннолетних правонарушителей, содержащихся в закрытых спецучреждениях и учащихся средних школ. Так, если последние лишь в 51 % случаев решают задачу «сходство-различие», ориентируясь по преимуществу на статус членов своего класса, то аналогичный показатель для несовершеннолетних правонарушителей в условиях изоляции равен 88 % (различия статистически значимы; $p < 0,01$). Таким образом, речь

идет об аргументированном доказательстве, что именно для групп несовершеннолетних правонарушителей в условиях изоляции характерен узкий однонаправленный анализ сходства и различия партнеров по взаимодействию и общению, который, по сути дела, сводится лишь к определению позиции власти каждого из них. Различия и сходства этих позиций в конечном счете и оказываются практически единственным основанием, по которому осуществляется требуемое классификационное объединение и разведение. Отметим при этом, что подход к решению этой задачи с определенными оговорками может рассматриваться в качестве привычного для испытуемого способа анализа ряда жизненных ситуаций, так как триада в данном случае представляет собой упрощенную модель реальной группы, а предпринимаемый испытуемым вариант ее решения выступает как наиболее привычный путь его ориентации в системе реальных межличностных отношений.

Таким образом, оценивая особенности стратификационной интрагрупповой структуры, характерной для сообществ несовершеннолетних правонарушителей в условиях закрытых спецучреждений, следует подчеркнуть, что здесь речь идет, несомненно, о ранговой структуре, так как каждый воспитанник может быть поставлен на определенное место по признаку его властного влияния в группе. В то же время наличие жестко фиксированной внутригрупповой статусной иерархии кастового характера заметно снижает информативность подобной ранговой структуры по отношению к реальному межличностному взаимодействию внутри группы в целом. Для получения более адекватной картины необходимо условно как бы «наложить»

на построенный непрерывный ранговый ряд сетку стратификационной принадлежности. В этом случае количественная соотношенность позиций власти, выявляемая построением простого рангового ряда, окажется дополненной качественными различиями сгруппированных (по признаку стратификационной принадлежности) мест. В связи с этим, по-видимому, имеет смысл говорить о большей информативности «диспозиционно-ранговой» интрагрупповой структуры власти: именно такой характер имеет властная иерархия в сообществах несовершеннолетних правонарушителей в условиях принудительной изоляции.

Этот вывод подтверждается помимо уже приведенных аргументов в пользу реальности четырехуровневой интрагрупповой стратификации в условиях воспитательных колоний, спецПТУ и спецшкол, еще и тем, что принадлежность того или иного воспитанника этих закрытых учреждений к определенному четко очерченному статусному слою, по сути, детерминирует характер видения его остальными членами группы — либо позволяет им разглядеть в нем собственно личность во всем богатстве ее проявлений, рассмотреть его индивидуальность, оценить его индивидуально-психологические свойства и качества, либо препятствует его личностному различию, ограничивает его «идеальную представленность» в сознании других, превращает его в глазах окружающих в лишнего индивидуальности, обезличенного исполнителя жестко фиксированных ролевых предписаний.

Целый ряд специальных исследований позволил получить достаточно большой объем эмпирических данных, раскрывающих значительный набор многообразных качеств и суждений, к помощи которых воспитанники-подростки прибегают для описания своих товарищей по группе. Условно можно разделить все эти характеристики на три вида: 1) личностные (сюда входят черты характера, особенности темперамента, уровень интеллектуального развития, оценки степени коммуникабельности и т. д.); 2) стратификационные (в данном случае имеются в виду, по существу, не качества личности того или иного воспитанника конкретно, а родовые характеристики-названия статусных внутригрупповых категорий-страт, представителями которых являются оцениваемые и через призму принадлежности к которым они воспринимаются перцепивентом); 3) физические, или связанные с внешним видом (к примеру, рост, вес, физическая сила, цвет глаз, волос, особенности одежды и т. д.).

В контексте обсуждаемых проблем особое внимание должно быть уделено анализу распределения двух из трех перечисленных условных видов характеристик, а именно — личностным и стратификационным. Эмпирически подтверждено, что в группах воспитанников закрытых режимных спецучреждений высокостатусные подростки получают значимо больше личностных оценок, чем низкостатусные*, причем особенно ярко эта закономерность проявляется при сопоставлении оценок, полученных члена-

* В данном случае мы сознательно оставляем за рамками анализа вопрос о «знаке» приписываемого качества, фиксируя лишь факт наличия или отсутствия личностного видения, так как вопрос об эмоциональной окрашенности суждений несовершеннолетних правонарушителей о членах группы их принадлежности будет специально освещен позже.

ми группы, занимающими полярные статусные позиции, — неофициальные лидеры и отверженные. Что касается приписывания стратификационных характеристик в группах с жестко фиксированной иерархией статусов, т. е. описания индивида не через личностные качества, а путем лишь ограниченного анализа — установления принадлежности воспитанника к какому-либо из четырех возможных уровней внутригрупповой кастовой структуры, то картина оказывается прямо противоположной той, которая отражает принцип распределения личностных оценок в подобного рода сообществах. Наиболее «популярными» стратификационные характеристики оказываются при описании низкостатусных воспитанников, в первую очередь, отверженных. Так, например, применительно к последним собственно стратификационные обозначения используются более чем в 20 раз чаще, чем к неофициальным лидерам.

Итак, не вызывает ни малейших сомнений, что в рассматриваемом типе закрытых сообществ характер приписываемых качеств различен в зависимости от статуса объекта межличностного восприятия. В то же время, позволяя ответить на вопрос, каковы эти различия, подобное направление анализа не учитывает не менее важный фактор — статусные характеристики субъекта межличностного восприятия, т. е. рисует общую картину по группе в целом. Однако наличие жесткой интрагрупповой структуры в сообществах несовершеннолетних правонарушителей в условиях изоляции, ее практически кастовый характер, ригидность границ каждого статусного слоя позволяют лишь условно представлять такие группы в качестве единого субъек-

та, да и то преимущественно в ситуациях их контактов с внешним миром, в том числе, когда категория «чужие» довлеет над группой в целом вне зависимости от ее реальной и ярко выраженной внутренней статусной дифференциации.

Эмпирические данные и их теоретическое осмысление [6; 7; 8 и др.] позволяют прийти к выводу, что способность к «личностному видению» другого в этих группах детерминирована статусными характеристиками как объекта, так и субъекта межличностного восприятия. В случае восприятия «сверху-вниз» (т. е. когда в качестве перцепиента выступает воспитанник, принадлежащий к вышестоящему статусному уровню по сравнению с оцениваемым) нижестоящий в корпоративной группировке в значимо меньшей степени рассматривается как носитель каких бы то ни было личностных качеств, чем представитель той же статусной категории, что и перцепиент.

Однако эта закономерность имеет и одно исключение. Имеется в виду характер оценки неофициальными лидерами воспитанников второй статусной категории («приборзевших»). Интенсивность использования «борзыми» личностных характеристик существенно не уступает частоте их применения при описании неофициальными лидерами представителей своей собственной страты (количество применяемых личностных характеристик — соответственно 38,97 % и 43,16 % от общего числа межличностных оценок). В данном случае на первый план выступает факт отнесенности обеих этих категорий к более широкой внутригрупповой общности — категории высокостатусных воспитанников. Понятно, что подобное объединение не рас-

ценивается «борзыми» как нанесение ущерба своему престижу, так как основание этой классификации остается для них благоприятным. Указанный артефакт имеет еще как минимум одно объяснение. Взаимоотношения неофициальных лидеров между собой, как правило, в лучшем случае могут быть охарактеризованы как настороженные, несущие в себе скрытый конфликт. Принципиальная близость властных полномочий предопределяет неустойчивость статусной иерархии в их среде, стимулирует накопление агрессии, нередко выплескивающейся в открытых ожесточенных столкновениях. В связи с этим, по сути, каждый «борзый» более близок со своим приближением («приборзевшими»), которое выступает в роли своеобразной «группы поддержки», нежели с другими неофициальными лидерами. Кроме того, свои контакты с остальными членами отделения и отряда «борзые» практически никогда не осуществляют непосредственно сами. Проводниками их требований и указаний являются «приборзевшие».

Несомненный интерес представляют и особенности личностного оценивания противоположной направленности в тех же группах, т. е. случаи, когда в качестве перцепиентов выступают воспитанники, принадлежащие к нижестоящему уровню внутригрупповой статусной иерархии по сравнению с положением оцениваемых. Условно этот вариант можно обозначить как случай восприятия «снизу-вверх». Оказывается, что в группах несовершеннолетних правонарушителей в условиях изоляции закономерность, определяющая распределение личностных характеристик при восприятии «сверху-вниз», в ситуации оценивания

«снизу-вверх» отсутствует. Другими словами, в группах, отличающихся наличием жестко фиксированной внутригрупповой статусной иерархии, нижестоящий, характеризуя вышестоящего, анализирует личностные качества последнего так же глубоко, как и личность представителя своей страты. Следует отметить, что при восприятии «снизу-вверх» низкостатусные перцепиенты (вне зависимости от того, к какому слою они принадлежат) наиболее лично характеризуют представителей ближайшего статусного уровня: для третьей категории ими являются приближенные к неофициальным лидерам, для четвертой категории — представители «промежуточного слоя», т. е. третьей страты. Такой избирательный подход обусловлен тем, что воспитанники ближайшего вышестоящего статусного слоя в значительно большей степени влияют на низкостатусного перцепиента в ходе ежедневного взаимодействия и общения, раскрывая и демонстрируя свои личностные качества. Так, например, неофициальный лидер в группах несовершеннолетних правонарушителей с отрицательной направленностью практически не вступает в непосредственное общение с представителями промежуточного слоя, оказывая на них влияние преимущественно через воспитанников второй статусной категории — «приборзевших». Естественно, что индивидуальные особенности последних, специфика поведения того или иного приближенного к лидеру проявляются наиболее ярко для низкостатусного объекта воздействия, испытывающего непосредственное влияние данного индивида, которое, с одной стороны, порождено реализацией его собственной воли, а с другой — волей

еще более высокостатусного члена сообщества, использующего «приборзевшего» как своего рода канал трансляции своего влияния на весь отряд заключенных.

В противоположность тому, что способность к личностному видению проявляется в случаях восприятия «снизу-вверх» и «по горизонтали», неспособность к индивидуальному различению, выражающаяся в закрытых сообществах несовершеннолетних со стратификационной интрагрупповой структурой в преимущественной характеристике членов группы через внешние, родовые, стратификационные качества, проявляется при восприятии «сверху-вниз». В группах несовершеннолетних правонарушителей с отрицательной направленностью, отличающихся наличием жестко фиксированной внутригрупповой статусной иерархии, вышестоящие в большей степени склонны описывать с помощью стратификационных характеристик нижестоящих, чем представители своего статусного уровня (различия статистически значимы; $p < 0,01$) во всех случаях, кроме того, когда субъектом межперсонального оценивания оказывается неофициальный лидер, а объектом — приближенный к нему (более чем в 80 % групп «борзые» вообще не используют стратификационные характеристики при описании «приборзевших»). Понятно, что для объяснения подобного исключения может быть использована та же аргументация, что и при интерпретации зафиксированного и описанного ранее «нарушения» закономерности при распределении личност-

ных характеристик. Природа этих явлений, несомненно, одна и та же, тем более, что взаимосвязь их не требует специальных доказательств — это как бы две стороны одной медали, следствия одной причины, анализ которых целесообразен и правомерен лишь в случае комплексной оценки.

Кроме того, при восприятии «снизу-вверх» нижестоящие воспитанники, как правило, не используют стратификационные характеристики для описания вышестоящего объекта оценивания, во всяком случае не проявляют большей склонности к подобного рода описанию, чем при восприятии «по горизонтали», т. е. при взаимооценке таких же, как они, по статусу членов сообщества.

Итак, совершенно очевидно, что в группах несовершеннолетних правонарушителей, находящихся в условиях принудительной изоляции, восприятие воспитанниками друг друга детерминировано их статусными характеристиками. Вышестоящие члены группы оценивают нижестоящих преимущественно с помощью родовых, стратификационных, внешних характеристик*, в то время как низкостатусные воспитанники в большей степени склонны к анализу личностных качеств высокостатусных, не ограничиваясь лишь определением их положения во внутригрупповой структуре власти, хотя именно их статусная позиция во многом и делает возможным подобный личностный подход к тому, кто находится выше в интрагрупповой иерархии власти. Так, «нисходящая слепота», т. е., по существу, расценивание низкостатусного как обезличенной части

---

* Такая «безличность» низкостатусного воспитанника в глазах высокостатусного может быть условно обозначена как эффект «нисходящей слепоты» [9].

нижестоящего уровня, лишенной индивидуальной ценности, объясняется тем, что модификационные возможности этого воспитанника по отношению к вышестоящему настолько ничтожны (а по сути, равны нулю), что никаких сколько-нибудь существенных для последнего изменений в его поведении и сознании представитель «промежуточного» слоя или отверженный попросту произвести не в состоянии. Таким образом, нижестоящий не проявляет себя как личность, тем самым не давая возможности высокостатусным субъектам восприятия выделить его среди тех, кто занимает аналогичное ему место в групповой «табели о рангах». И наоборот, преобразующая мощь неофициального лидера в группе несовершеннолетних правонарушителей, имеющей стратификационную интрагрупповую структуру, настолько велика, настолько существенно модифицирует он «смысловые образования» нижестоящего и настолько четко оказывается представлен его образ в сознании последнего, что объект воздействия (в анализируемой ситуации являющийся субъектом восприятия) неизбежно «различает» высокостатусного воспитанника и оценивает его как личность, при этом личность априори значимую.

Иначе говоря, в рассматриваемых группах несовершеннолетних правонарушителей персонализация некоторых их членов обеспечивается лишь при условии деперсонализации остальных, подавления их индивидуальности, погашения социальной активности. В таких сообществах официально предписанный режим содержания деятельности (производственная, учебная и т. д.) не выступает в существенной мере опосредствующей межличностные отношения и

не является личностно значимой для большинства членов группы. В этом случае данную роль начинает играть деятельность, направленная на сохранение и упрочение жестко фиксированной внутригрупповой статусной иерархии кастового типа, так как высокостатусные заинтересованы в сохранении и приумножении своих привилегий, гарантированных лишь при успешности этой деятельности, а остальная часть группы вынуждена принимать участие в ее реализации, ведь иная позиция чревата санкциями со стороны внутригрупповой «элиты». Роль именно этой деятельности настолько велика в этих сообществах, что практически полностью подчиняет и подавляет все остальные виды активности членов группы, резко снижает ценность для них официально заданной деятельности. По сути дела, неформальные группы несовершеннолетних правонарушителей в условиях изоляции можно вполне обоснованно рассматривать как сообщества, межличностные отношения в которых в существенной степени опосредствованы монодеятельностью, направленной на сохранение и упрочение стратификационной интрагрупповой структуры, развитие которой, в свою очередь, напрямую зависит от успешности подобной активности.

Подводя итог приведенным результатам конкретных эмпирических исследований, нельзя не прийти к выводу, что характер внутригрупповой структуры власти, а именно об этой универсально-значимой структуре и шла речь выше, когда рассматривалась стратификация в сообществах несовершеннолетних правонарушителей в закрытых спецучреждениях, является ключевым для понимания специфики межличностных отноше-

ний в этих заведениях. В то же время жесткость лишь этой одной, пусть и крайне значимой для группы, структуры еще не является достаточным основанием отнести такое сообщество к категории моноструктурированных. Для того чтобы подобный вывод выглядел вполне обоснованно и аргументированно, необходимо оценить меру взаимосвязанности основных определяющих жизнедеятельность группы ее структур, т. е. выявить взаимозависимость структуры неформальной власти и структур межличностных предпочтений (прежде всего социометрической и референтометрической структур).

Особенности интрагрупповой структуры аттракционных отношений

Если говорить об эмоциональном аспекте межличностных отношений несовершеннолетних правонарушителей, содержащихся в условиях принудительной изоляции, то прежде всего следует обратить внимание на особенности социометрической структуры таких сообществ.

В то же время имеющийся опыт проведения социометрических опросов в закрытых режимных спецучреждениях однозначно свидетельствует, что получаемый с помощью традиционной социометрической процедуры эмпирический материал оказывается малоинформативным для анализа подлинных отношений в неформальных группах подростков. По существу, к такому выводу приходят большинство психологов, использовавших эту методику для изучения структуры эмоциональных предпочтений в молодежных группах криминальной на-

правленности. Так, например, В. Ф. Пирожков приводит целый перечень весо- мых причин, в связи с которыми применение общепринятых форм социометри- ческого опроса в среде несовершенно- летних преступников не дает желаемых результатов, а получаемые таким спосо- бом данные «не отражают объективной картины внутригрупповых отношений» [11, с. 33]. Существенные искажения этой картины, по мнению автора, проис- ходят, в частности, из-за того, что: а) «ис- следователи затрудняются в выборе дей- ственных критериев, поскольку ... кри- минальные группы не допускают про- никновение «чужих» в законы и правила внутригрупповых отношений»; б) «ли- шение свободы и другие правоограниче- ния являются таким мощным психо- травмирующим фактором, который вы- бивает человека из привычной колеи, не давая ему никаких реальных перспек- тив»; в) «несовершеннолетним и моло- дым правонарушителям нередко свойст- венно бравировать своими криминаль- ными похождениями, той особой ролью, которую они якобы играли в преступной группе»; г) члены группы нередко стре- мятся вступить с исследователем в «иг- ру», определяя свои цели в ней, что со- здает ситуацию, при которой «исследо- ватель измеряет не объективное состоя- ние отношений, а то, что ему навязывают обследуемые»; д) «в преступной среде существует стойкое взаимное отверже- ние членами одной группы подростков и юношей из другой группы, если эти группы находятся во враждебных отно- шениях» [там же].

Исходя из этих обстоятельств, В. Ф. Пирожков разработал свой вари- ант методики, назвав его «пространст- венно-знаковой социометрией» [там же,

с. 33–35]. Необходимым условием использования этого методического приема являются глубокие знания исследователя в области традиционных для криминальных сообществ молодежи средств социальной стигматизации (кличек, татуировок, насечек, вещественных атрибутов, пространственных знаков различия и т. д.). Расшифровка таких знаков различия позволяет исследователю как бы восстановить картину реального межличностного «расклада» в группе и определить статусную позицию, по сути, каждого воспитанника-подростка. В то же время этот методический прием даже условно не может быть оценен как модификация собственно социометрической методики. В данном случае правомернее было бы говорить о своеобразной разновидности целенаправленного наблюдения. Но, конечно, не процедурные тонкости являются основным и принципиальным отличием предложенного В. Ф. Пирожковым способа сбора информации от традиционного варианта социометрической методики. Если с помощью последней выявляется характер взаимоотношений типа «симпатии-антипатии» в контактной группе, то путем анализа средств социальной стигматизации изучается, скорее, картина распределения властных полномочий в сообществе, а на «выходе» оказывается все та же стратификационная лестница власти. Это, кстати, косвенно доказывают и данные самого В. Ф. Пирожкова, который фиксирует как бы совпадение социометрической структуры и властной стратификации в группах несовершеннолетних правонарушителей. Если же иметь в виду именно эмоциональную окрашенность этих взаимоотношений, то этот аспект как раз и оказывается за рамками анали-

за. В связи с этим данная техника сбора информации, будучи на редкость продуктивной при решении исследовательских задач, связанных с изучением ролевой и властной расстановки сил в группах несовершеннолетних правонарушителей, не может рассматриваться в качестве варианта социометрической методики.

Понятно, что все вышеперечисленные причины существенно затрудняют проведение социометрического обследования неформальных сообществ несовершеннолетних правонарушителей не только вне стен спецучреждения, но и в условиях закрытых образовательных заведений. И все же эти сложности не абсолютны и могут быть преодолены исследователем, если он достаточно глубоко и профессионально разбирается в психологических особенностях интересующего его контингента подростков и юношей. Скорее, куда более существенным аргументом для «отвода» социометрической методики как адекватного методического средства, позволяющего оценить характер межличностных отношений в группах несовершеннолетних правонарушителей в условиях изоляции, является то, что, как показывают накопленные данные [4; 5 и др.], в подавляющем большинстве межличностные выборы локализуются по стратам. Другими словами, воспитанники по преимуществу осуществляют социометрические выборы «по горизонтали» — «опущенные» выбирают «опущенных» (более 97 % случаев), «чужки» — «чужков» (более 78 %), «приборзевшие» — «приборзевших» (около 81 %). Единственным исключением из этого правила являются «борзые», лишь в 32 % случаев выбирающие представителей своего ста-

тусного слоя, а в 68 % — «приборзевших»*. При этом численный состав статусных страт в рамках группы, как правило, различен и потому, понятно, что большим шансом стать социометрической «звездой» в этих сообществах располагают представители самого многочисленного статусного слоя, каковым всегда является «промежуточный» слой воспитанников.

Одно из объемных психологических исследований в этом плане (воспитательные колонии Икшанская, Валуйковская, Можайская) полностью подтверждает справедливость подобного заключения — в 98 из 104 обследованных групп несовершеннолетних правонарушителей, находящихся в этих закрытых учреждениях, наиболее предпочитаемыми в социометрическом плане оказались воспитанники, принадлежащие к третьей страте во внутригрупповой статусной иерархии. В остальных шести группах социометрическими «звездами» стали «приборзевшие» (в основном за счет объединенных усилий выбиравших их других «приборзевших» и «борзых»). Что касается «опущенных» и «борзых», то ни те ни другие не только ни разу не удостоились положения социометрической «звезды», но и не добрались даже до статуса «социометрически предпочитаемый». Таким образом, если сравнить между собой ранговые ряды, один из которых отражает распределение властных позиций, а другой — социометрическую структуру группы, то станет совершенно очевидным их качественное несовпадение. На первый взгляд, может показаться,

что этот факт является неоспоримым доказательством полиструктурированности рассматриваемых закрытых групп. На самом же деле, как ни парадоксально, именно расхождение двух интрагрупповых структур (отметим, что обе эти структуры являются универсально-значимыми для любой группы вне зависимости от специфики жизнедеятельности) в данном случае отражает моноструктурированность внутригруппового строения сообщества несовершеннолетних правонарушителей в условиях изоляции, так как несовпадение структуры власти и социометрической структуры лишь подчеркивает зависимый характер второй из них от первой, указывает на, по сути дела, прямое, детерминирующее влияние, которое оказывает статусная иерархия кастового типа на специфику отношений типа «симпатия-антипатия», складывающихся в криминальных группировках.

То что в закрытых сообществах несовершеннолетних правонарушителей эмоциональная структура оказывается, по существу, производной от властной интрагрупповой структуры, подтверждается, в частности, еще и тем, что характер эмоциональной окрашенности оценочных суждений, с помощью которых воспитанники закрытых режимных спецучреждений описывают партнеров по взаимодействию и общению, в решающей степени определяется именно властными позициями как объекта, так и субъекта взаимооценочного процесса.

Следует специально оговорить, что наиболее точную и концентрированную

---

* Сложности во взаимоотношениях неофициальных лидеров, а также тесная взаимосвязь «борзых» и «приборзевших» в рамках криминальных групп уже отмечались выше. По-видимому, эти же причины и в данном случае объясняют этот зафиксированный артефактный феномен.

информацию в этом плане дают не ситуативно употребляемые, часто лишь поверхностно описывающие индивида качества, а стержневые характеристики, одним из способов выделения которых является специально разработанная нами процедура [7; 8]. Эти качества, условно названные качествами «окончательного вывода», являются как бы стержнем оценки другого, наиболее значимыми для перципиента ориентирами в его изучении своего ближайшего социального окружения. Использование подобных качеств для оценки партнеров по взаимодействию и общению во многом облегчает, ускоряет решение проблемных ситуаций, позволяет добиться целостной картины. В то же время в случае, когда качества «окончательного вывода» становятся как бы универсальными стереотипами, шаблонами, процесс межперсонального восприятия подменяется простым наклеиванием ярлыков, а сами стержневые оценки из ориентиров превращаются в непреодолимые барьеры на пути к адекватному видению мира. В первую очередь это относится к негативным стержневым оценкам, как справедливо отмечает А. М. Матюшкин, если позитивная оценка создает благоприятные условия для более глубокого познания личности другого человека, то негативное видение, как правило, разрушает возможность дальнейшей успешной перцептивной оценки [10, с. 23].

К использованию качеств «окончательного вывода» для оценки своих партнеров по взаимодействию и обще-

нию прибегают члены самых разных подростковых сообществ. Более того, такой способ описания товарищей по группе практически в одинаковой степени «популярен» и в неформальных сообществах несовершеннолетних в условиях принудительной изоляции, и в классах обычных средних школ. В то же время картина остается таковой лишь в том случае, когда в расчет не берется «знак» подобных характеристик*, а имеется в виду лишь «абсолютная» частота их применения. Если же этот (условно назовем его «знаковым») признак превращается в объект анализа, то и различия становятся очевидными, отражающими саму суть подхода к оценке партнера в этих двух типах групп.

Различия в применении положительных качеств «окончательного вывода» в школьных классах и группах несовершеннолетних правонарушителей в условиях закрытых учреждений оказываются статистически незначимыми, хотя все же их использование в открытых группах несколько более принято, чем в закрытых сообществах, характеризующихся жестко фиксированной многоуровневой статусной иерархией. В то же время «популярность» отрицательных качеств «окончательного вывода» у воспитанников режимных спецучреждений заметно превышает частоту их использования обычными школьниками. Следует также подчеркнуть, что распределение положительных и отрицательных стержневых оценок подчинено различным закономерностям в этих двух типах групп. Несовершенно-

---

* В ходе эксперимента подростки практически никогда не испытывают затруднений в расстановке знаков; при этом качество «окончательного вывода» (если таковое употребляется) никогда не оказывается нейтральным.

летние правонарушители, находящиеся в изоляции, в большей степени применяют положительные качества «окончательного вывода» при оценке высокостатусных, чем низкостатусных воспитанников. Так же, как и в этих сообществах, в школьных классах наблюдаются некоторые различия в приписывании положительных качеств «окончательного вывода» высокостатусным и низкостатусным воспитанникам (в этом плане преимущественное положение у высокостатусных). Правда, в этих группах подобное расхождение оказывается незначимым и при сопоставлении оценок высокостатусных с оценками низкостатусных, и при сравнении оценок, полученных полярными статусными категориями учащихся. Что касается отрицательных качеств «окончательного вывода», то в группах обоих видов они чаще используются для характеристики низкостатусных, чем высокостатусных подростков и юношей.

Итак, внешне картина приписывания качеств «окончательного вывода» разностатусным членам стратификационных групп воспитанников спецучреждений и учащимся массовой школы кажется достаточно схожей, а отличия, на первый взгляд, определены лишь степенью выраженности якобы единой для обоих случаев закономерности. Но подобное внешнее совпадение результатов не является еще достаточным основанием для вывода об идентичности механизмов оценивания друг друга в группах разного типа. Более того, причинно-следственные связи в рассматриваемых случаях не только не являются тождественными, но и оказываются прямо противоположными. Так, если в жестко иерархизированных группах подростков преимущест-

венное приписывание отрицательных качеств «окончательного вывода» низкостатусным воспитанникам детерминировано их неблагоприятной позицией в структуре межличностных отношений данного сообщества, то в школьных классах именно негативная оценка значимых для группы в целом качеств учащегося во многом и обуславливает его низкий статус. Подтверждением служит хотя бы то, что отрицательные качества «окончательного вывода» в школе представляют собой в основном личные характеристики, а в условиях режимных спецучреждений — стратификационные показатели.

Подобный вывод может быть сделан и в отношении положительных стержневых оценок. Если в сообществах несовершеннолетних правонарушителей преимущественное приписывание неофициальным лидерам и приближенным к ним этих качеств определяется самой позицией последних во внутригрупповой иерархии, то в школьных классах связь оказывается обратной — наличие позитивно оцениваемых группой личностных качеств является необходимым условием признания права на высокий статус той или иной развивающейся личности.

На выбор «знака» для оценки другого влияет не только статус объекта восприятия, но и позиция во внутригрупповой структуре власти самого перцепиента. Для выявления определяющих этот аспект закономерностей может быть применен тот же, что и в случае сопоставления личностных и стратификационных характеристик, подход, в основе которого лежит выделение статусной направленности процесса межличностного восприятия — «снизу-

вверх», «сверху-вниз», «по горизонтали». Результаты такого анализа показывают, что в группах воспитанников закрытых режимных учреждений в случае восприятия «сверху-вниз» вышестоящие приписывают нижестоящим значимо больше отрицательных и значимо меньше положительных качеств «окончательного вывода», чем представителям «своего» уровня внутригрупповой статусной иерархии. В школьных классах подобное явление не наблюдается: различия в приписывании вышестоящими как положительных, так и отрицательных качеств «окончательного вывода» нижестоящим и представителям «своей» статусной категории статистически незначимы. Однако несмотря на то что указанные закономерности и проявляются с недвусмысленной очевидностью, исключение все же имеет место. Оно состоит в следующем — неофициальные лидеры в школьных классах приписывают значимо меньше отрицательных стержневых характеристик представителям «своей» статусной прослойки, чем остальным своим одноклассникам. Подобное, казалось бы, явное «нарушение» закономерности на самом деле полностью вписывается в апробированную выше логику рассуждений и, более того, скорее лишь подчеркивает их справедливость. При этом следует отметить, что аналогичная неравномерность распределения рассматриваемых характеристик среди разностатусных школьников имеет место и при анализе оценок, получаемых каждой статусной категорией от группы в целом, т. е. когда статус каждого индивидуального перцепиента не принимается во внимание. Таким образом, здесь имеет место

факт согласованности мнения лидеров с мнением своих одноклассников. Эту позицию условно можно обозначить следующим образом: «как все к нам, так и мы к себе». Что касается ситуации оценивания «снизу-вверх», то и в школьных классах, и в группах несовершеннолетних правонарушителей, находящихся в условиях принудительной изоляции, принципиальных различий в приписывании вышестоящим и представителям «своего» статусного слоя положительных и отрицательных качеств «окончательного вывода» зафиксировано не было. Однако и здесь налицо единственное исключение из общего правила. Это случай, когда в качестве перцепиентов выступают представители четвертой страты в группах, отличающихся жестко фиксированной статусной иерархией. Они приписывают остальным значимо больше отрицательных и значимо меньше положительных качеств «окончательного вывода», чем представителям «своего» статусного уровня. Если сравнить данное «нарушение» закономерности со случаем исключения, имеющим место при оценивании лидерами школьных классов самих себя и своих более низкостатусных одноклассников, то становятся совершенно очевидными принципиальные различия в психологической природе этих явлений. Негативная оценка вышестоящих воспитанников в целом со стороны «опущенных» является как бы реакцией последних на дискриминационное отношение к ним всего остального «общества колонистов». Позиция, которой, по-видимому, придерживаются представители этой страты в корпоративных, криминальных по своей направленности, закрытых груп-

пах несовершеннолетних, можно условно обозначить следующим образом: «как все к нам, так и мы ко всем».

Анализ эмоциональной структуры групп несовершеннолетних правонарушителей, находящихся в закрытых спецучреждениях, показывает, что характеризуя каждое из таких сообществ в целом, следует заметить, что отношения симпатии и взаимное эмоциональное приятие друг друга подростками здесь, как правило, складываются, если так можно выразиться, лишь «по статусной горизонтали». Подавляющее большинство дружеских диад и более многочисленных группировок («семей») формируется среди воспитанников, принадлежащих к одному статусному слою во внутригрупповой иерархии. Взаимоотношения же «по статусной вертикали» в эмоциональном плане по преимуществу складываются как негативные, несущие на себе неизгладимый отпечаток дискриминации большинства и неограниченных привилегий меньшинства, что закреплено в стержневой для этих групп статусной структуре — структуре власти. Именно пренебрежение и презрение высокостатусных к низкостатусным, игнорирование интересов и элементарных прав последних, а также страх перед неофициальными лидерами и приближенными к ним, который испытывают представители промежуточного слоя и отверженные, являются решающим фактором, определяющим ярко выраженное эмоциональное неприятие друг друга, реально ощущаемое и нередко проявляемое на поведенческом уровне разностатусными членами неформальных группировок несовершеннолетних правонарушителей, находящихся в условиях спецучреждений.

Особенности интрагрупповой структуры референтных отношений

Многоуровневый жестко фиксированный характер внутригрупповой структуры власти, стратификационное интрагрупповое деление оказывают существенное влияние и на особенности третьего универсально значимого для любых групп вида статусной дифференциации — картины референтных отношений.

Отметим, что степень референтности одного воспитанника для другого неразрывно связана со статусными характеристиками обоих участников подобных отношений межличностной значимости. В то же время эта зависимость качественно отличается от той, которая характеризует факт детерминации взаимоотношений типа «симпатии-антипатии» стратификационным строением этих групп. Так, если социометрические выборы, как правило, осуществляются внутри каждого из статусных слоев, отражая тем самым «постратную» локализацию эмоционально-позитивного поля взаимоотношений подростков-правонарушителей в закрытых учреждениях, то картина референтометрических предпочтений не столь однообразна и одномерна — направление межличностных выборов не ограничивается лишь «статусной горизонталью». Такое несовпадение результатов социометрического и референтометрического опросов, а следовательно, и соответствующих интрагрупповых структур, вполне объяснимо, особенно если речь идет о группах, отличающихся жестко фиксированной внутригрупповой статусной иерархией. Осуществляя социометрический выбор, подросток — член такого сообщества, как правило, рассчитывает на взаимность, на то, что указанный им партнер испытыва-

ет к нему те же эмоционально-позитивные чувства. При этом четко осознавая свое положение во внутригрупповой иерархии и свою отнесенность к определенной страте, воспитанник не может не отдавать себе отчета, что такая взаимность в отношениях возможна лишь с тем, кто примерно равен ему в статусном плане. Кстати, справедливость этого тезиса имеет определенное косвенное эмпирическое подтверждение — значительное число (нередко существенно перекрывающее аналогичные показатели в «открытых» группах) взаимных социометрических выборов в группах несовершеннолетних правонарушителей, находящихся в условиях спецучреждений.

Что касается референтных отношений, то выбор того или иного члена группы в качестве референтного лица, как правило, никоим образом не обусловлен ожиданием взаимности выбора. Решающими здесь являются значимость позиции, мнения данного воспитанника для окружающих, определяемые либо его высокой компетентностью, либо способностью самым существенным и действенным образом влиять на их жизнедеятельность. Понятно, что в жестоко иерархизированных группах, по сути, неограниченными возможностями в этом плане располагают высокостатусные подростки — «борзые» и «приборзевшие». Это, конечно же, ни в коей мере не означает, что в таких сообществах отсутствуют, если так можно выразиться, референтометрические запросы «по горизонтали» внутри каждого из статусных слоев. Референтные отношения складываются и в этом статусном пространстве, что определяется насыщенностью, нередко эмоциональной напряженностью межличностных контактов в среде одностатусных воспитанни-

ков в спецучреждениях, каждодневным их тесным взаимодействием и общением. И все же выборы в качестве референтного лица вышестоящего подростка, члена группы, принадлежащего к более привилегированной статусной страте, происходят значительно чаще.

Следует подчеркнуть, что в ситуациях, значимых для группы в целом (например, по поводу контактов с администрацией, взаимоотношений с другим отрядом и т. д.), наиболее референтными лицами для воспитанников, как правило, являются «борзые». Именно они в этом случае получают наибольшее число первоочередных референтометрических выборов от представителей всех без исключения статусных слоев внутригрупповой иерархии. В ситуации же личной заинтересованности, необходимости сориентироваться в переплетении конкретных межличностных контактов и столкновений, определить свою собственную ближайшую перспективу в рамках группы, выстроить свою индивидуальную тактику поведения в роли наиболее референтных лиц чаще всего оказываются «приборзевшие». Подобная спецификация референтного влияния напрямую связана с четким распределением, условно говоря, управленческих функций между представителями двух верхних страт в неформальном сообществе криминальной направленности: неофициальные лидеры задают как бы основной тон, настрой жизнедеятельности группы, определяют ведущую стратегию ее существования, но при этом не вникают в каждодневную конкретику взаимоотношений остальной части сообщества, не «опускаются» до непосредственных контактов с представителями «промежуточного» слоя (и тем более отверженных) и не осуществляют функций контроля, наказания и поощрения;

«приборзевшие» же, занимая явно подчиненную позицию по отношению к «борзым», играют роль своеобразного связующего звена между групповой «элитой» и остальными воспитанниками, являются проводниками воли неофициальных лидеров, оказывают непосредственное влияние на основную часть группы, определяя способности, интенсивность и направленность взаимодействия ее конкретных членов.

В некоторых группах несовершеннолетних правонарушителей в условиях изоляции наряду с достаточно распространенной практикой осуществления референтометрических выборов «по горизонтали» и преимущественным способом выбора референтного лица «снизу вверх» можно зафиксировать и единичные референтометрические запросы «сверху вниз», и прежде всего отдельные случаи, когда для кого-то из «борзых» или «приборзевших» референтным лицом оказывается «опущенный». Однако углубленный анализ этих ситуаций показывает, что подобное заинтересованное отношение высокостатусных к позиции представителя низшего уровня внутригрупповой иерархии носит временный, как правило, сиюминутный характер, связанный с актуальным опасением доноса со стороны этого воспитанника, ставшего жертвой каких-либо особенно жестоких дискриминационных, чаще всего уголовно-наказуемых деяний. Определенный интерес представляет и тот факт, что нередко (во всяком случае заметно чаще, чем обычные школьники) члены рассматриваемых групп отказываются от возможности осуществить референтометрический выбор, т. е. демонстрируют как бы отсутствие в группе своего членства лиц, чье мнение их интересует и является значимым ориентиром для коррекции их поведения.

При этом, как правило, это представители двух полярных статусных страт — «борзые» и «опущенные». По-видимому, такое индифферентное отношение к мнению о них окружения оказывается следствием, с одной стороны, их избыточной информированности об этом мнении, а с другой — как бы «тупиковой» статусной позиции этих воспитанников: отсутствие перспектив у «борзых» еще более возвыситься и невозможность для «опущенных» еще более «опуститься» во внутригрупповой иерархии.

Заключение

Итак, господство монодеятельности в группах несовершеннолетних правонарушителей в условиях режимных спецучреждений обуславливает специфическое протекание в целом процессов группообразования и в частности интрагруппового структурирования, неизбежно превращая эти сообщества в моноструктурированные группировки. При этом во всех подобных группах складывается единый вариант моноструктуры, отличительной чертой которого является не прямое совпадение всех универсально-значимых интрагрупповых структур, а их жесткая соотнесенность — производная от господствующей в данном сообществе деятельности неформальная структура власти детерминирует практически все характеристики остальных универсально-значимых структур, в том числе и таких, как референтометрическая структура и структура эмоциональных отношений.

Наличие в рассматриваемом типе сообществ относительно обособленных друг от друга внутригрупповых страт отражает тот факт, что внутренняя, собст-

венно психологическая закрытость этих групп от социума, во многом порожденная внешней, институционально заданной их закрытостью, на определенном этапе приобретает ярко выраженный интрагрупповой характер, в известной мере нарушая целостность самих этих общностей. Другими словами, как правило, отчетливо осознаваемое и нередко болезненно переживаемое воспитанниками противопоставление «мы-они», «свои-чужие», которое самой уникальностью социальной ситуации развития

этих подростков и юношей определено границами их закрытой общности, имеет тенденцию к углублению и закономерно приобретает интрагрупповой смысл. Дальнейшее развитие этого процесса приводит к тому, что все более углубляющееся противопоставление «мы-они» за счет последовательного сужения полюса «мы» перерастает в жесткое противостояние, выстроенное по формуле воинствующего индивидуализма «я-они», т. е., по сути, служит формированию закрытой личности.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Астемиров З. А.* Проблемы коллектива и личности осужденных в условиях ИТУ. Рязань, 1975.
2. *Долгова А. И.* Социально-психологические аспекты преступности несовершеннолетних. М., 1981.
3. *Ковалев А. Г.* Психологические основы исправления правонарушителей. М., 1968.
4. *Кондратьев М. Ю.* Восприятие несовершеннолетними правонарушителями друг друга в условиях изоляции // Новые исследования в психологии. 1982. № 3.
5. *Кондратьев М. Ю.* К вопросу об исследовании действенной групповой эмоциональной идентификации в условиях воспитательно-трудового учреждения // Проблемы коммуникативной и познавательной деятельности личности. Ульяновск, 1981.
6. *Кондратьев М. Ю.* Психология межличностных отношений подростка в закрытых учебно-воспитательных учреждениях: Дисс. в виде доклада ... д-ра психол. наук. М., 1994.
7. *Кондратьев М. Ю.* Социальная психология закрытых образовательных учреждений. СПб., 2005.
8. *Кондратьев М. Ю.* Социально-ролевая детерминация межличностного восприятия в группах трудновоспитуемых подростков и юношей: Дисс. ... канд. психол. наук. М., 1983.
9. *Кондратьев М. Ю.* Эффект «нисходящей слепоты» и концепция персонализации // Активизация личности в системе общественных отношений. М., 1989.
10. *Матюшкин А. М.* Восприятие личности в общении и деятельности // Теоретические и прикладные проблемы психологии познания людьми друг друга. М., 1979.
11. *Пирожков В. Ф.* Криминальная субкультура учащихся — подростков и юношей: Дисс. в виде доклада ... д-ра психол. наук. М., 1992.
12. *Пирожков В. Ф.* Психологические основы перевоспитания учащихся специальных профтехучилищ. М., 1988.
13. *Франселла Ф., Банистер Д.* Новый метод исследования личности. М., 1987.
14. *Якушин И.* Дети в тюрьме // Правители преступного мира. М., 1992.

Intragroup Structuring in the Communities of Juvenile Offenders in Conditions of Compulsory Isolation

M. YU. KONDRATYEV

Doctor in Psychology, professor, corresponding member of the Russian Academy of Education, dean of the Social psychology faculty of the Moscow State University of Psychology and Education

The article presents features of intragroup structure in communities of juvenile offenders held in restricted secured specialized institutions. The results indicate that such strictly hierarchical communities have dispositional-ranking structure of the informal power. The position of each group member virtually determines his/her position in the other two universally significant intragroup structures: in the structure of referential and attraction relationships.

Keywords: *group of juvenile offenders, compulsory isolation, dispositional-ranking group structure, structure of informal power, structure of referential relationships, structure of attraction relationships.*

REFERENCES

1. Astemirov Z. A. Problemy kollektiva i lichnosti osuzhdennykh v usloviyakh ITU. Ryazan', 1975.
2. Dolgova A. I. Social'no-psihologicheskie aspekty prestupnosti nesovershennoletnih. M., 1981.
3. Kovalev A. G. Psihologicheskie osnovy ispravleniya pravonarushitelei. M., 1968.
4. Kondrat'ev M. Yu. Vospriyatие nesovershennoletnimi pravonarushitelyami drug druga v usloviyakh izolyatsii // Novye issledovaniya v psikhologii. 1982. № 3.
5. Kondrat'ev M. Yu. K voprosu ob issledovanii deistvennoi gruppovoi emocional'noi identifikatsii v usloviyakh vospitatel'no-trudovogo uchrezhdeniya // Problemy kommunikativnoi i poznavatel'noi deyatel'nosti lichnosti. Ul'yanovsk, 1981.
6. Kondrat'ev M. Yu. Psihologiya mezhlichnostnykh otnoshenii podrostka v zakrytykh uchebno-vospitatel'nykh uchrezhdeniyakh: Diss. v vide doklada ... d-ra psihol. nauk. M., 1994.
7. Kondrat'ev M. Yu. Social'naya psikhologiya zakrytykh obrazovatel'nykh uchrezhdenii. SPb., 2005.
8. Kondrat'ev M. Yu. Social'no-rol'evaya determinatsiya mezhlichnostnogo vospriyatiya v gruppakh trudnovospituemykh podrostkov i yunoshei: Diss. ... kand. psihol. nauk. M., 1983.
9. Kondrat'ev M. Yu. Effekt "nishodyashei slepoty" i koncepciya personalizatsii // Aktivizatsiya lichnosti v sisteme obshchestvennykh otnoshenii. M., 1989.
10. Matyushkin A. M. Vospriyatие lichnosti v obshchenii i deyatel'nosti // Teoreticheskie i prikladnye problemy psikhologii poznaniya lyud'mi drug druga. M., 1979.
11. Pirozhkov V. F. Kriminal'naya subkul'tura uchashih'sya – podrostkov i yunoshei: Diss. v vide doklada ... d-ra psihol. nauk. M., 1992.
12. Pirozhkov V. F. Psihologicheskie osnovy perevospitaniya uchashih'sya spetsial'nykh proftekhuchilish. M., 1988.
13. Fransella F., Banister D. Novyi metod issledovaniya lichnosti. M., 1987.
14. Yakushin I. Deti v tyur'me // Praviteli prestupnogo mira. M., 1992.